18+

Александр Рыбаков

Преодоление эксплуатации

Александр Рыбаков

Преодоление эксплуатации

«Издательские решения»

Рыбаков А. Ф.

Преодоление эксплуатации / А. Ф. Рыбаков — «Издательские решения»,

В книге исследуются капиталистические общественные отношения. Автор прослеживает эволюцию «патологий» этих отношений от классических форм к современным проявлениям в цифровой и глобальной экономике, а также рассматривает институциональные способы их регулирования.Книга предназначена для тех, кто заинтересован в углубленном анализе и дискуссии относительно перспектив экономического развития и трансформации общественных структур в посткапиталистическом обществе.

© Рыбаков А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Рыбаков А. Ф. 6
Преодоление эксплуатации 7
Введение 7
Глава 1. эксплуатации человека в историческом контексте 8
Глава 2. Механизмы поддержания эксплуатации в обществе 14
Глава 3. Социальные последствия эксплуатации человека 22
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Преодоление эксплуатации

Александр Федорович Рыбаков

© Александр Федорович Рыбаков, 2026

ISBN 978-5-0071-7361-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыбаков А. Ф.

Преодоление эксплуатации

Введение

В условиях современного мира, где процессы глобализации и технологического прогресса создают новые возможности для взаимодействия людей, проблема эксплуатации человека и капиталистических общественных отношений приобретает статус одной из наиболее актуальных и острых проблем, которая затрагивает не только трудовые отношения, но и широкий спектр вопросов, связанных с социальной справедливостью, правами и достоинством человека.

На протяжении веков различные общества находили способы оправдания и законности эксплуатации одних людей другими. В современном обществе эксплуатация не всегда проявляется в явных и жестких формах — она может принимать более тонкие и скрытые формы, такие как экономическая зависимость, социальная неравенство и моральное давление, где приводит к глубоким социальным диспропорциям, усиливает неравенство, способствует возникновению конфликтов, влияет на качество жизни людей, их доступ к ресурсам, образованию и здравоохранению, а также на их психологическое состояние.

Эксплуатация не может существовать без системы, которая бы её поддерживает. Это и экономические механизмы, такие как рынок труда, так и социальные, культурные и политические факторы. Например, идеологии, оправдывающие эксплуатацию, которые встроены в культурные нормы и ценности общества. Политические структуры также могут способствовать поддержанию эксплуатации, принимая законы и меры, которые защищают интересы эксплуататоров. Современный капитализм, как система, основанная на частной собственности и свободном рынке, становится не только двигателем экономического роста, но и источником социальной поляризации и неравенства, концентрации капитала и экономической власти. Капиталистические отношения, первоначально нацеленные на развитие и прогресс, со временем начинают оборачиваться против самих себя, порождая множество социальных проблем и неразрешимых конфликтов.

С одной стороны капитализм, способствует созданию новых возможностей для индивидуального успеха и самореализации, а с другой — приводит к разрушению традиционных сообществ, ухудшению условий труда и увеличению социальной изоляции. Капитализм формирует новые модели взаимодействия между людьми, где главной ценностью становится не человеческое достоинство, а экономическая выгода. В таких условиях социальные связи начинают ослабевать, а солидарность и взаимопомощь уступают место конкуренции и индивидуализму. Это приводит к тому, что люди становятся все более зависимыми от рыночных механизмов, теряя способность к совместному решению проблем и социальной ответственности.

Капитализм, будучи системой, основанной на прибыли, неизбежно создает условия для эксплуатации труда и ресурсов. В погоне за максимизацией прибыли компании нередко пренебрегают интересами работников, что ведет к ухудшению условий труда, росту безработицы и неравенству. Кроме того, экономическая система капитализма часто приводит к кризисам, которые затрагивают не только экономику, но и социальную сферу, обостряя существующие противоречия и создавая новые. Эти кризисы могут проявляться в виде финансовых и экологических катастроф, социальных волнений, что подчеркивает необходимость переосмысления капиталистических основ общества. Необходимы альтернативные модели организации общества с более гуманистическими формами общественных отношений, которые будут способствовать более справедливому распределению ресурсов и укреплению социальных связей.

Глава 1. эксплуатации человека в историческом контексте

1.1. Возникновение эксплуатации как основы экономических отношений

С древнейших времен, когда люди начали объединяться в племена и общины, возникли первые формы социальной иерархии. В условиях ограниченных ресурсов и необходимости выживания, некоторые группы людей начали доминировать над другими, устанавливая правила и нормы, которые обеспечивали их власть и контроль. Эксплуатация в этом контексте проявлялась в форме принудительного труда, который использовался для удовлетворения потребностей более привилегированных членов общества. Рабство, как одна из первых и наиболее жестоких форм эксплуатации, стало основой экономик многих древних цивилизаций, таких как Древний Египет, Месопотамия и Римская империя. Рабство не только обеспечивало экономическую основу этих обществ, но и формировало их культурные и социальные структуры, создавая устойчивые иерархии, где одни люди рассматривались как собственность других [1].

С развитием феодализма в средние века, эксплуатация приняла новые формы. Феодальная система, основанная на земельной собственности и вассальных отношениях, создала условия для эксплуатации крестьян, которые были связаны с землей и зависели от своих господ. Крестьяне, вынужденные работать на земле, принадлежавшей феодалам, становились жертвами системы, которая обеспечивала богатство и власть немногих за счёт труда большинства. Феодализм не только закреплял экономическую зависимость, но и формировал социальные отношения, основанные на подчинении и доминировании, что создавало культурные и идеологические оправдания для эксплуатации [2].

С переходом к капитализму в XVI — XVII веках, форма эксплуатации претерпела значительные изменения. Индустриальная революция и развитие рыночной экономики привели к созданию нового класса — рабочего класса, который оказался в условиях жесткой эксплуатации на фабриках и заводах. Рабочие, вынужденные продавать свою трудоспособность, сталкивались с ужасными условиями труда, низкими зарплатами и отсутствием социальных гарантий. Капитализм, ориентированный на максимизацию прибыли, стал основой для систематической эксплуатации, при которой человеческий труд рассматривался как товар, а не как ценность и способ самореализации и творчества. Эксплуатация человека стала неотъемлемой частью общественных отношений, где экономические интересы доминировали над человеческими правами и достоинством [3].

Однако эксплуатация не ограничивается лишь экономической сферой. Она также проникает в социальные, культурные и политические отношения. Гендерная эксплуатация, расовая дискриминация и классовое неравенство являются примерами того, как различные группы людей могут быть подвергнуты эксплуатации на основе их идентичности. Женщины, как правило, сталкиваются с двойной эксплуатацией — как на рынке труда, так и в рамках семейных и социальных структур, где их роль часто сводится к выполнению домашних обязанностей и заботе о детях. Расовая эксплуатация, в свою очередь, проявляется в системах, которые дискриминируют определенные этнические группы, ограничивая их доступ к ресурсам и возможностям, создавая, таким образом, условия для систематической нищеты и маргинализации.

С идеологической точки зрения, эксплуатация проявляется в разнообразных формах оправдания. На протяжении всей истории человечество создавало мифы и нарративы, которые легитимизировали эксплуатацию, представляя её как естественное состояние вещей. Например, идеи «естественного отбора» и «социального дарвинизма» использовались для оправдания неравенства, утверждая, что более сильные и успешные имеют право доминировать над слабыми. Эти идеологии не только поддерживали существующие системы власти, но и формировали культурные нормы, которые считали эксплуатацию допустимой и даже желательной.

В современном мире эксплуатация человека принимает новые формы, однако ее корни остаются теми же. Глобализация и технологические изменения создают новые условия для эксплуатации, где трудовые отношения становятся все более гибкими и нестабильными. Например, аутсорсинг и работа на условиях неполной занятости становятся нормой, что часто приводит к ухудшению условий труда и отсутствию социальных гарантий. В таких условиях работники становятся уязвимыми для эксплуатации, поскольку их трудовая сила может быть легко заменена, а права и интересы игнорируются. Важно осознавать, что эксплуатация человека — это не только историческая проблема, но и современная антигуманная реальность, требующая активного сопротивления самих эксплуатируемых и изменения существующих общественных систем, чтобы создать более равноправное общество.

1.2. История рабства и феодализма

В случае рабства речь идет о прямом присвоении человеческой силы: индивид становился вещью в правовом и экономическом смысле, лишался права на собственный труд и семейную автономию. В древних обществах бытовали как самостоятельные домашние рабы, выполнявшие функции прислуги и ремесленников, так и рабы-работники на крупных хозяйствах и в шахтах, чьи условия были особенно тяжёлыми. В Риме существовала развитая практика манумиссии — освобождения через формальные процедуры или по воле владельца, что создавало пространство для социальной мобильности, но не устраняло самого права собственности на людей. В греческих полисах и на средиземноморских плантациях рабский труд был ключевым для экономической специализации, культивирования оливок и винограда, а также для обеспечения досуга элит.

Параллельно с этими древними моделями развивались различные формы рабства в иных частях мира. В исламском мире, например, складывались свои формы рабства — от мавров и рабов-солдат (мамлюков) до торговых связей через транссахарские и индийско-океанские маршруты. Африканские общества также практиковали захват и обмен пленными, но характер и масштабы внутренней и внешней торговли людьми различались по регионам.

Возникновение трансатлантической работорговли в XV—XIX веках создало уникальный по масштабам и жестокости феномен: миллионы африканцев насильственно перемещались на плантации Америки, где выращивались сахар, хлопок, табак. Организация трансантлантической торговли связывала европейские капиталы, колониальные плантации и африканские рынки, превращая рабский труд в основной фактор формирования колониальных экономик и международного обмена. Из Европы в Африку везли промышленные товары — оружие, ткани, алкоголь, металлические изделия. Их обменивали на людей, захваченных или проданных в рабство. Из Африки в Америку перевозили порабощённых африканцев. Из Америки в Европу отправляли сырьё и товары, произведённые с использованием рабского труда: сахар, хлопок, табак, кофе, какао, индиго и др. Жёсткость режима плантационного труда, высокая смертность и намеренное разрушение семейных связей сделали эту форму эксплуатации особенно травмирующей и долговременной в своём воздействии на социальные структуры [4].

Феодализм, напротив, характеризуется не абсолютным, а условным присвоением труда: крестьянин оставался юридически человеком, но его права и свободы были строго ограничены. Юридический статус зависимого сельского населения в разных регионах Европы имел разные названия — серф, виллин, крепостной — и подразумевал ряд обязательств: барщина, натуральные оброки, платёж в виде части урожая. Свобода передвижения оказывалась под запретом или строго регламентировалась. Манориальная система, с её открытыми полями и общинными правилами использования пастбищ и лесов, обеспечивала выживание, но одновременно ограничивала инновации и мобилизацию избыточного труда в рынок. Распространение

товарно-денежных отношений, рост спроса со стороны городов и иностранных государств на продукцию сельского хозяйства привели к переориентации части маноров (феодальных поместий) на рынок и повышению их товарности [5].

Однако и в феодальной системе существовали нюансы. В Западной Европе после XIV века наблюдался постепенный сдвиг: демографические катаклизмы, особенно чума, уменьшили предложение рабочей силы, что усилило переговорную позицию крестьян и способствовало переходу к денежным рентам и нерегулярным трудовым отношениям. В Восточной Европе, напротив, напротив, наблюдалась обратная динамика: закрепощение усилилось, землевладельцы законодательно ограничивали права крестьян, переводя их в зависимое состояние, которое сохранялось вплоть до реформ XIX века — в России крепостное право было отменено лишь в 1861 году. Эти региональные различия показывают, что феодализм не был универсальной конструкцией, а являлся реакцией на локальные экономические и демографические условия [6].

Оба режима, как рабовладение и феодализм, пользовались религиозными, юридическими и традиционными оправданиями: церковные доктрины и судебные органы формировали нарративы о естественном порядке вещей, божественном происхождении власти и долге зависимости. Несмотря на это, постоянные конфликты и протесты показывают, что причины для эксплуатации людей никогда не были полностью убедительными. Восстания рабов в римских провинциях, восстание Спартака, крестьянские бунты типа Жакерии и английского восстания 1381 года иллюстрируют постоянное сопротивление угнетённых. В России крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачёва (1773—1775) было крупнейшим антикрепостническим выступлением. Пугачёв обещал крестьянам свободу от крепостной зависимости, податей и рекрутчины. Восстание охватило Поволжье, Приуралье, часть Сибири; в нём участвовали не только крестьяне, но и казаки, работные люди, представители разных народов. Главной причиной восстаний было стремление избавиться от крепостной зависимости и снизить бремя повинностей. Наиболее радикальной формой сопротивления стала Гаитианская революция конца XVIII — начала XIX века, когда освобождение рабов привело к созданию независимого государства — уникального случая в истории, когда угнетённые не просто добились отмены института эксплуатации, но и разрушили колониальную систему.

Наследие рабства и феодализма, как пережитки классового общества, сформировало глубоко укоренившиеся представления о социальной иерархии, неравенстве, правах и обязанностях, а также о допустимых формах эксплуатации, власти и контроля. Эти культурные отпечатки до сих пор проявляются в современных капиталистических отношениях, где структуры собственности и институты продолжают перераспределять ресурсы в пользу эксплуататоров и правящих классов. Изучение истории рабства и феодализма позволяет понять не только механизмы прежней эксплуатации, но и глубинные корни современных социальных дисбалансов в распределении собственности и ресурсов. Эти дисбалансы являются результатом классового угнетения и требуют революционных изменений в общественных отношениях.

1.3. Капитализм и эксплуатация труда

Переход к капитализму ознаменовал качественный сдвиг в способе организации труда и в форме эксплуатации: если в предыдущих социальных формациях хозяйство и зависимость были тесно связаны с личными отношениями и принадлежностью к земле или к хозяину, то капитализм ввёл в центр отношений абстрактную форму — товарную форму рабочей силы. Рабочий накапливает не собственность, а способность трудиться, которую он продаёт на рынке. Сама продажа этой способности, формализованная в договоре о найме, скрывает от прямого наблюдения факт извлечения прибавочной стоимости — основной экономической сущности эксплуатации при капитализме. Именно из этого разрыва между формальной свободой и реаль-

ной экономической зависимостью вырастают многие патологические феномены современной капиталистической эксплуатации.

Теоретическое осмысление капиталистической эксплуатации во многом связано с марксистской категорией прибавочной стоимости: рабочий создаёт стоимость, превышающую стоимость его рабочей силы, и эта разница присваивается капиталистом. Важно понимать, что эксплуатация не ограничивается только зарплатой и соотношением оплачиваемого и неоплачиваемого времени. Она глубже укоренена в организации труда, методах нормирования и контроля, а также в механизмах распределения рисков и ответственности. Современные формы эксплуатации включают интенсификацию труда, стирание границ между работой и личной жизнью, рост неполной и гибкой занятости. Всё это позволяет капиталу получать больше прибыли, предлагая работникам меньше гарантий [7].

Развитие научной организации труда позволило использовать различные технические и административные инструменты для увеличения эффективности работы. Введение строгого распорядка, регулирование движений, стандартизация задач, контроль и оценка результатов сделали труд более предсказуемым и удобным для работодателей. В то же время, разделение задач на мелкие части, использование временных контрактов, фриланса и подрядных схем позволяет работодателям перекладывать ответственность на работников, что создает экономическую нестабильность для большинства трудящихся [8].

Капитализм умеет создавать и поддерживать «резервную армию труда» — это запас безработных или людей, которые работают мало и за небольшие деньги. Это помогает работодателям снижать зарплаты и контролировать работников. Из-за того, что деньги могут свободно перемещаться по всему миру, компании могут переносить производство в страны, где рабочая сила дешевле. Это помогает им экономить деньги, но может приводить к плохим условиям труда в других странах. Компании могут передавать часть работы другим компаниям или даже в другие страны, чтобы не отвечать за плохие условия труда и при этом сохранять свою хорошую репутацию [9].

Технологические изменения, которые обещали облегчение труда и повышение продуктивности, в практике часто трансформируются в новые техники эксплуатации. Автоматизация и цифровизация меняют структуру занятости: одни профессии исчезают, другие требуют постоянного обновления квалификаций, а платформенные модели создают массовые формы микротруда с минимальными гарантиями. Алгоритмическое управление работой превращают рабочие процессы в непрерывную гонку за лучшими показателями, что приводит к уменьшению «человеческого вмешательства» в эти процессы, а также к увеличению требований и стрессовых условий для человека в связи с новыми технологиями. Параллельно идет накопление нематериального капитала — данных, знаний, сетей — прибыль от которых концентрируется у цифровых платформ, а труд множества «дистанционных» работников остаётся слабо признанным и слабо компенсированным.

Люди часто думают, что рынок справедливо распределяет блага, потому что те, кто талантлив и много работает, получают больше. Но это не совсем так. Когда говорят о «человеческом капитале», имеют в виду, что успех зависит от того, сколько человек вложил в свои способности. Однако на самом деле есть много других факторов, которые влияют на успех человека, например, социальный капитал и связи, стартовые условия и семейное положение, доступ к образованию и ресурсам. Таким образом, при капитализме люди эксплуатируются не только из-за экономических причин, но и из-за культурных и психологических факторов, когда идеи, нормы и ценности доминирующие в обществе подталкивают людей к поведению, выгодному системе, даже если это идёт вразрез с их реальными потребностями.

Понимание этих взаимоувязанных элементов позволяет увидеть, что капиталистическая эксплуатация — это не просто пережиток прежних эксплуататорских систем, а живая, эволюционирующая структура, которая непрерывно адаптируется к изменениям в социальной и

технологической сферах, чтобы сохранять и усиливать свою способность к извлечению прибавочной стоимости. Только при глубоком понимании этой системной природы эксплуатации становится очевидным масштаб задач, стоящих перед трудящимися в борьбе за ликвидацию эксплуатации и построение общества социальной справедливости.

1.4. Современные формы эксплуатации

Одной из наиболее заметных современных форм является коммерческая эксплуатация через нелегальные и полулегальные сети торговли людьми — от сексуальной эксплуатации до принудительного труда в сельском хозяйстве, строительстве, горнодобывающей и морской отраслях. Трафик людей продолжает принимать разнообразные маски: обман при найме, подмена обещанных условий, долговая зависимость, принуждение под угрозой депортации. В этих схемах мигранты и уязвимые группы оказываются особенно беззащитными, поскольку их статус, язык и ограниченный доступ к правовой помощи усиливают возможность принудительного удержания и эксплуатации на рабочих местах, где формально может существовать договор и оплачиваемая занятость, но фактически работа совмещена с лишением свободы и угрозами.

Другая существенная текущая тенденция — размытие границ между формальной и неформальной занятостью. Всё больше людей работают через интернет-платформы и считаются независимыми подрядчиками. Из-за этого они теряют основные социальные гарантии, не могут вместе обсуждать свои условия труда и становятся более уязвимыми к экономическим проблемам. На этих платформах часто используются алгоритмы для управления работой: рейтинги, автоматическое изменение цен и блокировка доступа. Это создаёт новые способы контроля за работниками через цифровые стимулы и наказания. При этом ответственность за социальные гарантии и риски обычно ложится на самих работников. Параллельно возникает феномен микротруда — сотни тысяч людей выполняют низкооплачиваемые микро-задачи, формально участвуя в глобальных цифровых рынках, но без реальной защиты от эксплуатации, с минимальной оплатой и отсутствием прозрачных механизмов возмещения ущерба [10].

Долговая зависимость и практики «долговой кабалы» остаются важными современными механизмами эксплуатации, особенно в сферах сезонной и низкоквалифицированной занятости. Агенты по найму, кредитные схемы и скрытые комиссии создают долговые ловушки, из которых работники выбираются за счёт увеличения рабочего времени и снижения уровня вознаграждения. В сочетании с миграционной уязвимостью это порождает длительные цепочки репродукции принудительного труда, которые трудно разорвать без существенной внешней помощи [11].

Принудительный труд в глобальных цепочках поставок — ещё одна характерная черта современности. Компании часто нанимают субподрядчиков, регистрируют свои предприятия в оффшорных зонах и стараются снизить издержки. Из-за этого условия труда на заводах, плантациях и в других местах остаются скрытыми от глаз. Хотя существуют международные правила и законы, которые должны защищать работников, в некоторых случаях условия труда всё равно остаются ужасными. Люди работают очень долго, без соблюдения правил безопасности, детей тоже могут привлекать к работе. Часто работникам платят меньше, чем положено. Всё это помогает компаниям производить товары дешевле и продавать их по всему миру. Компании иногда заявляют, что следят за условиями труда и соблюдают социальные стандарты. Но на практике эти меры часто не работают, потому что сложно проверить, что происходит на самом деле, и потому, что компании не всегда хотят менять свои бизнес-модели [12].

Гендерная сегрегация и эксплуатация в репродуктивной сфере проявляются в современных формах через коммерциализацию ухода за домом, когда бытовые заботы и домашний труд превращаются в рыночную услугу, которую оказывают за плату. Проще говоря, то, что раньше делали сами члены семьи, теперь можно заказать как услугу у профессионалов или через сер-

висы. Многие женщины мигрируют за границу, чтобы работать в чужих домах, часто по контрактам, которые полностью контролируют их жизнь. Им запрещают менять место жительства, что делает их уязвимыми. Они могут сталкиваться с психологическим давлением, сексуальным насилием, лишением выходных и социальной изоляцией. В некоторых странах, например, в системе «кафала» (система спонсорства в ряде арабских стран), законы позволяют работодателям контролировать передвижение и трудовые права мигрантов, что делает их легкой мишенью для эксплуатации.

Цифровая экономика создала новый способ использования нашего внимания и личных данных. Люди, которые пользуются различными платформами, создают контент (например, посты, видео, статьи) и делятся своими данными. Эти данные и контент затем используются крупными технологическими компаниями для заработка. Но те, кто создает этот контент, получают очень мало денег и часто сталкиваются с эмоциональными и психологическими проблемами. Например, модераторам приходится смотреть на неприятные или даже травмирующие материалы, а создатели контента зависят от алгоритмов, которые решают, будет ли их работа видна другим людям. Из-за этого они чувствуют, что их используют, хотя и говорят, что это просто новая форма работы. К тому же, законы, которые должны защищать права этих работников, часто не успевают за быстрыми изменениями в технологиях.

Информационные технологии помогают работодателям лучше следить за работниками и контролировать их: они могут знать, где сотрудник находится, отслеживать его работу и использовать его биометрические данные (например, отпечатки пальцев или распознавание лица). Это даёт работодателям больше власти и позволяет им строже следить за дисциплиной, а работникам сложнее протестовать или объединяться. В таких условиях протесты и коллективные действия становятся сложнее, а риски для тех, кто пытается что-то изменить, возрастают.

Современные формы эксплуатации затрагивают и детей. Их используют в работе разными способами, и это становится всё более распространённым. Раньше дети часто работали на заводах или в полях, но сейчас появились новые формы эксплуатации. Например, детей заставляют создавать видео или картинки для разных сайтов в интернете. Их также могут привлекать к участию в рекламных кампаниях без должной защиты. Ещё одна проблема — это сбор информации о детях, которую потом используют для получения экономической и коммерческой выгоды. Всё это плохо влияет на развитие детей и их права.

В настоящее время эксплуатация людей часто связана с решениями, которые принимают политики. Они ужесточают правила для мигрантов, сокращают социальные расходы и разрешают использовать нестандартные формы труда. Это создает удобные условия для тех, кто хочет эксплуатировать других. Кроме того, людям трудно получить помощь в суде, доказать факты принуждения бывает очень долго и сложно, а коррупция и разногласия между странами затрудняют борьбу с этими проблемами. В таких условиях эксплуатация становится менее заметной, но, всё равно, сильно влияет на жизнь многих людей. Чтобы бороться с этим, важно понимать новые формы эксплуатации. Это поможет лучше выявлять такие случаи и защищать тех, кто особенно уязвим.

Глава 2. Механизмы поддержания эксплуатации в обществе

2.1. Экономические механизмы эксплуатации

Экономические механизмы, поддерживающие эксплуатацию, действуют через набор формальных и неформальных инструментов, которые помогают неравенству стать постоянным источником доходов и власти. Необходимо рассмотреть основные из этих механизмов и то, как они работают в современных экономиках.

Первый способ, как компании зарабатывают больше денег — это когда у них много власти на рынке и они могут получать прибыль, извлекая ренту, не зависящую от того, насколько хорошо они работают. В таких отраслях, где мало конкурентов или есть большие компании, фирмы могут устанавливать высокие цены, не конкурируя за клиентов. Вместо этого они стараются снизить свои расходы, например, уменьшая зарплаты работникам или перекладывая на них свои риски. Если на рынке труда есть только один крупный работодатель, он может диктовать условия работникам. Это значит, что он может снижать зарплаты, вводить нестандартные графики работы или требовать от работников выполнения работы без гарантий. Экономика ренты позволяет компаниям зарабатывают деньги не за счет того, что они делают лучше других, а за счет контроля над чем-то ценным, например, данными, брендом или доступом к рынку. Это позволяет им эксплуатировать работников и получать прибыль без необходимости улучшать свою продукцию или услуги [13].

Второй важный механизм — это система налогов и сборов. Она распределяет деньги так, чтобы больше доставалось богатым и компаниям, а не обычным людям. Например, если налоги не зависят от дохода (плоская система) или если богатые платят меньше налогов (регрессивная система), то компании и богатые люди могут платить меньше налогов, чем должны. Они могут также получать льготы на свои инвестиции или использовать налоговые «убежища» — страны, где налоги ниже. Это позволяет им экономить деньги. В то же время налоги на труд, наоборот, забирают деньги у работников. Государство также может сократить расходы на важные вещи, такие как образование, здравоохранение и уход за детьми. Из-за этого людям приходится самим платить за эти услуги, что становится тяжелее для их семей. Таким образом, через налоги и бюджет государство может случайно или специально увеличивать нагрузку на обычных людей и их семьи [14].

Третий способ — это особые бухгалтерские и корпоративные методы, которые позволяют компаниям экономить на оплате труда. Часто компании разбивают свои производственные процессы на части и передают их разным юридическим лицам. Они также используют контракты на аутсорсинг, франчайзинг и временное трудоустройство, чтобы платить меньше за работу и социальные гарантии. В международной практике это достигается через трансфертное ценообразование и оффшоры: компании получают прибыль в странах с низкими налогами, а все затраты и риски остаются в странах с дешевой рабочей силой [15].

Четвёртый механизм — использование денег и кредитов для управления рисками. Сейчас очень популярны потребительские кредиты и микрокредиты. Также работодатели могут брать с работников деньги за помощь при трудоустройстве, за визы или за жильё. Это делает работников зависимыми от постоянного дохода, и они соглашаются на менее выгодные условия работы. На уровне компаний использование денег и кредитов приводит к тому, что руководители больше думают о быстрой прибыли, чем о долгосрочной выгоде для работников. Это может приводить к снижению зарплат и инвестициям в новые технологии, которые заменяют людей. Например, вместо того чтобы платить больше денег работникам, компании могут тратить деньги на роботов или другие автоматизированные системы. Кроме того, некоторые

компании начинают рассматривать доходы работников как товар, который можно покупать и продавать на рынке. Это означает, что работники могут быть связаны контрактами, которые зависят от их будущих доходов, и эти контракты могут быть использованы для спекуляций.

Пятый способ, который используют работодатели, называется «институциональная инженерия контрактов и правового статуса». Это означает, что они используют законы и правила, чтобы изменить статус работников. Это дает им возможность снизить свои обязательства. Например, они могут называть работников «независимыми подрядчиками» вместо обычных сотрудников, использовать агентства по трудоустройству, включать в договоры условия, которые ограничивают объединение работников в профсоюзы, а также добавлять пункты, которые ограничивают возможность работников подавать в суд или запрещают им работать на конкурентов после увольнения. Если законы или правила не работают как надо или применяются выборочно, это создает «серую зону». В этой зоне формальные правила могут быть соблюдены, но на самом деле работники могут быть эксплуатируемы. Таким образом, законы и суды не только помогают разрешать споры, но и могут быть использованы для того, чтобы перераспределять ресурсы в пользу тех, кто имеет больше власти и влияния.

Шестой способ — это когда работодатели перекладывают часть затрат на содержание работников на их семьи. Некоторые услуги, которые раньше предоставляло государство (например, образование, уход за детьми или жильё), теперь оказываются частными компаниями или самими семьями. При этом труд, который выполняют женщины в семье (например, уход за детьми или уборка дома), не учитывается в экономике. Это позволяет работодателям экономить деньги, потому что они не платят за эти услуги. В результате семьи вынуждены брать на себя больше работы и забот, которые раньше были обязанностью государства или общества. Это скрытый способ эксплуатации, потому что такой труд не оплачивается и не учитывается в официальных экономических показателях. Экономика, которая не считает такие услуги важной частью общества, помогает работодателям платить работникам меньше.

Седьмой механизм — это глобальные правила и нормы в торговле и регулировании. Когда страны договариваются о свободной торговле, они создают правила, по которым будут работать. Эти правила иногда заставляют местные правительства ослаблять защиту рабочих или ухудшать экологические стандарты, чтобы привлечь больше инвестиций. Международные финансовые организации и банки часто требуют, чтобы страны сокращали социальные расходы и открывали рынок труда для иностранных компаний. Это делает условия более выгодными для компаний, которые могут эксплуатировать работников или не заботиться об экологии.

Иногда экономические показатели, такие как валовой внутренний продукт (ВВП) или количество официально занятых людей, не учитывают некоторые важные вещи. Например, они не всегда видят работу, которую люди делают без оплаты, такую как уход за детьми или домом. Также они могут не замечать случаи, когда людей заставляют работать против их воли. Из-за этого проблемы, связанные с такой работой или принуждением, не всегда становятся заметны обществу. Из-за этого людям может казаться, что таких проблем нет, и они не требуют решения. Когда проблемы не видны в статистике, становится труднее убедить политиков и других людей, что нужно что-то менять. В результате усилия по борьбе с этими проблемами могут не получать достаточной поддержки.

Перечисленные экономические механизмы связаны между собой и усиливают друг друга. Когда рынок сильно сконцентрирован, легче скрывать прибыль и уклоняться от налогов. Когда финансы играют слишком большую роль, труд становится зависимым. Если контракты разбиты на мелкие части, работникам сложно объединяться и защищать свои права, а слабая статистика скрывает масштабы проблемы. Чтобы справиться с этим, нужно не только менять трудовое законодательство или социальную защиту, но и перестраивать всю систему стимулов. Это касается корпоративного управления, налоговой системы, международных соглашений и того, как общество воспринимает неоплачиваемый труд. Только так можно остановить эксплуатацию.

2.2. Политические структуры и эксплуатация

Государство не является нейтральным арбитром, оно действует в интересах определённых коалиций сил, и его органы способны либо сдерживать, либо усиливать эксплуатационные практики. Набор инструментов, которыми располагает власть — законы, регламенты, бюджет, правоохранительная практика, административные процедуры и международные соглашения — делает политическую сферу особенно действенной в поддержании или разрушении патологии эксплуатации. Политические механизмы воспроизводства эксплуатации часто менее заметны, чем экономические, но они глубже инкорпорированы в институциональные сети и потому устойчивее к краткосрочным реформам.

Один из важных способов, которым политики влияют на жизнь людей, — это когда крупные компании или богатые люди начинают управлять государством или его законами в своих интересах. Эти компании и люди могут использовать разные способы, чтобы влиять на политиков, например, через связи или обещания. В результате законы и правила могут меняться так, чтобы помогать этим компаниям и людям, а не обычным людям. Хотя законы должны защищать права работников и потребителей, иногда они могут не работать так, как должны. Например, проверки на рабочих местах могут быть редкими, а жалобы на нарушения могут долго рассматриваться без последствий. Это происходит потому, что некоторые люди, которые должны следить за соблюдением законов, сами связаны с компаниями, которые эти законы нарушают. Из-за этого обычным людям и тем, кто находится в сложной ситуации, трудно защитить свои права. Компании могут использовать эти лазейки в законах, чтобы делать свою работу еще выгоднее за счет других [16].

Политические режимы и их изменения создают условия для эксплуатации. Государственные приоритеты в области налогов и бюджета отражают политические решения. Например, если государство сокращает социальные расходы, приватизирует услуги и уменьшает финансирование инспекций и профессионального образования, это может привести к тому, что на рынок труда поступает больше дешёвой рабочей силы. Это облегчает работодателям эксплуатацию работников. Неолиберальные реформы конца XX — начала XXI века, такие как упрощение правил найма и увольнения, создавали условия для гибкой, но незащищённой занятости. Авторитарные режимы также могут использовать разные методы для поддержания своих интересов. Они могут подавлять протесты работников с помощью правоохранительных органов, одновременно создавая условия, которые кажутся привлекательными для иностранных инвесторов [17].

Есть ещё один важный момент в политике — это доверие людей к государственным органам и то, как работают законы. Законы могут говорить о правах людей, но на самом деле их соблюдение зависит от того, насколько хорошо работают суды, насколько легко люди могут получить юридическую помощь и как быстро решаются их проблемы. Если у людей нет доступа к суду, если судебные процессы дорогие, если люди не понимают язык, на котором говорят в суде, или если они зависят от своего работодателя, то их права остаются только на бумаге. Иногда, чтобы подать жалобу или обратиться за помощью, нужно пройти много сложных процедур, собрать много документов и долго ждать проверки. Из-за этого люди не могут быстро получить защиту своих прав. Когда государство создаёт такие трудности, те, кто больше всего нуждается в помощи, не могут её получить [18].

Политики используют разные методы, чтобы управлять людьми и контролировать их. Они могут создавать ситуации, в которых люди зависят от властей, чтобы получить какие-то привилегии или выгоды. В обмен на эти выгоды люди могут соглашаться с решениями властей или голосовать за них. В таких системах профсоюзы и независимые организации теряют свою силу и не могут эффективно защищать права работников. Политики часто используют попу-

листские идеи, которые играют на чувствах людей по поводу их национальности, религии или места рождения. Это приводит к тому, что работники начинают враждовать друг с другом, что мешает им объединяться и бороться за свои права вместе.

Механизм криминализации и «секьюритизации» социальных проблем используется для поддержания эксплуатации. Ужесточение миграционной политики и введение полицейских мер контроля позволяют работодателям использовать угрозу репрессий для поддержания дисциплины. Работодатели могут угрожать увольнением, обращением в иммиграционные службы или подачей жалоб в государственные органы. В такой ситуации уязвимые работники вынуждены выбирать между жалобой и риском потерять работу или быть высланными из страны. Это делает эксплуатацию практически бесконтрольной.

Международные организации тоже влияют на то, как развиваются страны. Когда они дают кредиты, заключают торговые соглашения и инвестиционные договоры, они часто требуют, чтобы страны открывали свои рынки для других стран, снижали налоги и уменьшали поддержку своим компаниям. Это ограничивает возможности стран проводить политику, которая защищает рабочих. Международные соглашения часто важнее, чем законы внутри страны, что создаёт трудности для улучшения прав рабочих. В то же время, чтобы привлечь иностранные компании, местные власти стараются создать условия, удобные для бизнеса, и часто не обращают внимания на права своих рабочих.

Политические лидеры и власти играют важную роль в управлении информацией. Они контролируют, какие новости и мнения становятся популярными, и финансируют исследования и аналитику, чтобы влиять на то, как люди видят мир. Когда политические лидеры формируют повестку дня, они могут уменьшить важность требований рабочих, представляя их как проблемы отдельных компаний, а не общества в целом. Вместо того чтобы решать общие проблемы, они могут предлагать индивидуальные решения, такие как переквалификация, волонтерство или предпринимательство. Такая стратегия снижает давление на власти и уменьшает поддержку со стороны общества для тех, кто нуждается в помощи.

Для ликвидации политических механизмов эксплуатации необходимо провести глубокие институциональные реформы, которые полностью изменят политические структуры общества. Важно обеспечить максимальную прозрачность и подотчётность органов власти, ликвидировав все формы лоббизма и коррупции. Следует ввести строгий запрет на перемещение сотрудников между государственными и частными структурами, а также создать систему общественного контроля за действиями государственных служащих. Государственные контракты должны заключаться на конкурсной основе, а закупки осуществляться исключительно через открытые тендеры. Это исключит субъективность в распределении ресурсов, направив их на нужды трудящихся. Особое внимание необходимо уделить укреплению независимости судебной системы и созданию трудовых трибуналов, работающих на принципах справедливости и доступности для всех граждан. Реформы финансирования политических партий и выборов должны устранить влияние капитала на политику, обеспечив равные возможности для участия всех граждан в политической жизни. Введение государственного финансирования избирательных кампаний освободит политиков от зависимости от корпоративных спонсоров и повысит их подотчётность перед избирателями.

Политические институты представляют собой арену для классовой борьбы, где идёт борьба за власть и ресурсы. В конечном счете, политические структуры — это место борьбы за правила распределения власти и ресурсов. Для их изменения необходимы радикальные преобразования, которые приведут к устранению капиталистических отношений. Только в условиях демократии, базирующейся на принципах равенства и коллективного подхода, можно полностью ликвидировать эксплуатацию и гарантировать реальное осуществление прав трудящихся. В демократическом обществе каждый человек обязан трудиться и иметь привилегию работать,

а распределение благ должно основываться на потребностях, а не на частной собственности и прибыли.

2.3. Идеология и массовая культура

Идеология и массовая культура действуют как скрытые силы, которые помогают поддерживать неравенство и делают его привычным и оправданным для людей. Они не только показывают, как устроен мир, но и влияют на то, как мы думаем и что считаем правильным. Через фильмы, сериалы, музыку, рекламу, новости и мемы в интернете нам внушают, что важно быть успешным и полезным для общества, чтобы быть уважаемым. Из-за этого мы часто соглашаемся с тем, что некоторые люди имеют больше прав и возможностей, чем другие. Мы начинаем думать, что проблемы связаны с личными недостатками, а не с системой, и оправдываем тех, кто пользуется этим.

Массовая культура влияет на наше восприятие, внедряя определённые стандарты и идеалы. Реклама и знаменитости показывают, что успех — это результат постоянного самопродвижения, гибкости в работе и готовности подстраиваться под требования рынка. Люди начинают оценивать себя по тому, насколько они востребованы, а не по принципам справедливости или взаимопомощи. Культура, ориентированная на видимость активности, поощряет постоянное стремление к улучшению себя. Если человек не использует каждую возможность для развития, общество может осуждать его. Это создаёт внутреннее давление, которое заставляет людей больше контролировать себя и снижает вероятность совместных действий. В итоге каждый человек больше приспосабливается к существующим условиям, даже если они несправедливы [19].

Идеи о том, что успех зависит от личных усилий, а все люди имеют равные возможности, используются для оправдания неравенства. Они создают представление, что если человек старается, то обязательно добьется успеха. При этом не учитываются такие факторы, как богатство семьи, дискриминация, разделение людей по районам и неравные стартовые условия. В СМИ часто рассказывают истории о людях, которые добились успеха, начав с нуля. Эти истории представляют как примеры того, как нужно действовать, чтобы добиться успеха. Такие мифы заставляют тех, кто не смог добиться успеха, чувствовать себя виноватыми, будто они сами виноваты в своих неудачах. В то же время, эти мифы не заставляют задуматься о том, что для борьбы с неравенством нужно менять законы и правила в обществе. Если считать, что неудача — это личная проблема, то, кажется, что не нужно менять правила в стране или компании [20].

Французский учёный Пьер Бурдье писал о том, что в популярной культуре часто используются идеи, которые поддерживают неравенство. В книгах, фильмах, песнях и других произведениях часто показывают, что рабочие, которые требуют улучшения условий труда, мешают прогрессу. А предпринимателей, которые владеют бизнесом, показывают как людей, которые приносят пользу и улучшают жизнь других. Даже когда в произведениях есть юмор или сатира, они могут служить для того, чтобы высмеивать протесты и сводить серьёзные проблемы к простым человеческим слабостям. Это делается так тонко, что люди, которые смотрят или читают такие произведения, начинают считать, что мнение богатых и влиятельных людей — это и есть правда [21].

Компании из сферы развлечений и культуры часто стараются показать, что они не эксплуатируют людей. Для этого они используют разные методы, такие как социальная ответственность или «этичный» маркетинг. Они проводят благотворительные акции, сотрудничают с культурными проектами и поддерживают важные общественные инициативы. Это помогает им выглядеть более честными и менее спорными в глазах людей. Такой подход позволяет компаниям игнорировать критику и создавать образ добрых и отзывчивых брендов. Люди начинают обращать внимание не на проблемы в системе, а на отдельные добрые поступки компа-

ний. В итоге, массовая культура помогает людям привыкнуть к небольшим изменениям, вместо того чтобы бороться за более серьезные реформы.

Более того, платформы используют субкультуры и протест в своих целях. Критические тексты и художественные работы быстро превращаются в мемы, товары или рекламные кампании. Из-за этого они теряют свою силу и перестают быть радикальными. В цифровом мире оппозиционные идеи часто нейтрализуются. Это происходит, когда критика сама становится модной, но не решает проблемы эксплуатации.

Культура поддерживает неравенство между мужчинами и женщинами, а также между людьми разных рас. Это происходит через фильмы, рекламу и музыку, которые показывают, что одни люди важнее и ценнее других. Например, в фильмах и рекламе часто показывают, что люди из определённых групп (например, женщины или представители других рас) выполняют работу, которая считается менее важной или не ценится так высоко. Из-за этого в реальной жизни эти группы людей могут получать меньше денег и меньше уважения. Таким образом, культура не только усиливает экономическое неравенство, но и делает его более приемлемым для людей, показывая, что так и должно быть.

Чтобы противостоять влиянию идеологии, нужно активно работать в области культуры. Важно создавать проекты, которые учат людей критически оценивать методы манипуляции. Также нужно поддерживать независимых журналистов и художников, которые рассказывают о разных точках зрения. Необходимо финансировать образовательные программы, которые объясняют историю труда и права работников, чтобы люди могли понять, как их эксплуатировали в прошлом и сейчас в реальной жизни. Культурная политика должна поощрять искусство и открытые обсуждения, которые не только критикуют недостатки, но и предлагают способы решения проблем. Это могут быть платформы для работников, местные медиапроекты, выставки и документальные фильмы.

Необходимо осознать, что трансформация культуры — это долгий и сложный процесс, требующий комплексного подхода, включающего институциональные изменения и повседневную деятельность масс. Регулирование рекламных потоков и обеспечение прозрачности спонсоров, обязательное раскрытие компаниями их влияния на социокультурную среду, а также воспитание критического мышления через образование — всё это может постепенно подорвать эксплуататорские идеологии. Культурные преобразования являются неотъемлемой частью более широких реформ, направленных на трансформацию общественного строя. Без изменения базовых ценностей и мировоззрения общества любые законодательные и экономические меры могут оказаться лишь поверхностными, поскольку сознание людей продолжает находиться под влиянием капиталистических нарративов, глубоко укоренённых в общественном сознании.

2.4. Образование и формирование мировоззрения

Образование играет важную роль в том, как мы видим мир и как мы живем в обществе. Школы и университеты не только дают нам знания и навыки, но и влияют на наши взгляды и поведение. Важно понимать, что в образовании есть не только то, что явно преподается на уроках, но и скрытые вещи, которые тоже формируют наше мнение. Это могут быть правила и порядки в школах и университетах, а также то, что написано в учебниках и как проводятся воспитательные мероприятия. Через все эти каналы нам внушают, что неравенство в обществе — это нормально и неизбежно. Нам говорят, что богатые люди заслуживают быть богатыми, а бедные — сами виноваты в своих проблемах. Это создает ситуацию, когда люди начинают считать эксплуатацию нормальной или даже своей собственной виной.

Один из главных механизмов — миф о том, что образование может сделать всех равными. Система, где успехи в учебе влияют на будущее, заставляет людей думать, что подняться

по социальной лестнице можно, если только хорошо учиться. Но в реальности есть много других препятствий. Из-за этого те, кто не добился успеха, начинают винить себя, думая, что им не хватило знаний или старания. Они не видят, что проблема может быть в неравных возможностях. В то же время, требования к образованию растут. Чтобы получить хорошую работу, нужно все больше дипломов и сертификатов. Это превращает учебу в гонку, где важно не просто учиться, но и вкладывать много денег и времени в получение «правильных» документов [22].

Многие учебные программы готовят людей к работе в экономике, как этого хотят работодатели. Ранняя профориентация и обучение конкретным навыкам помогают легко находить работу в простых или временных профессиях. Однако это не развивает критическое мышление и умение работать вместе. Программы дуального обучения и массовые стажировки часто становятся местами, где студенты и выпускники выполняют простую работу без оплаты и прав. В таких условиях школы и университеты превращаются в места, где готовят людей, которыми легко управлять, а не в места, где развивают самостоятельность и коллективную ответственность [23].

В школах есть негласные правила, которые влияют на поведение и отношение детей к власти. Например, расписание уроков, требования к личной ответственности, система оценок и соревнования между классами и школами учат детей подчиняться и приспосабливаться к иерархии. Дети, которые много лет учатся в таких условиях, привыкают к мысли, что авторитет и контроль — это нормально, а протесты и коллективные действия — редкость. В результате, поколения, выросшие в таких условиях, меньше склонны к организованному сопротивлению несправедливости [24].

Не менее важен вопрос содержания учебников и образовательных программ. Исторические и экономические нарративы, которые подчёркивают полезность предпринимательства, индивидуальных историй успеха и «глобальной конкуренции», затушёвывают темы коллективной борьбы, истории рабочих движений, критики капиталистических структур. Колониальные и националистические мифы, укоренённые в учебных материалах, легитимизируют неравные международные отношения и объясняют бедность отдельных стран «недостатком цивилизации» или «традицией», что упрощает и оправдывает транснациональную эксплуатацию труда в глобальных цепочках поставок. Политические решения в области языка и отбора литературных произведений могут игнорировать голоса тех, кто находится на периферии общества. В результате их работы не находят отражения в школьных программах и других образовательных инициативах.

Современные технологии произвели революцию в сфере образования, что является закономерным этапом в развитии капиталистической системы. Возникли новые механизмы контроля знаний и коммерциализации обучения. Цифровые тесты, системы мониторинга успеваемости и анализа прогресса учащихся способствуют повышению эффективности учебного процесса в рамках капиталистической парадигмы. Однако эти технологии также порождают рынок, где данные об учениках становятся товаром, который можно покупать и продавать. Коммерческие структуры, стремясь к максимизации прибыли, внедряют курсы и системы оценки, которые собирают информацию о когнитивных способностях учащихся и их академическом прогрессе. Эти данные используются для манипуляции и эксплуатации, а не для всестороннего развития личности. Платформы для онлайн-обучения стандартизируют методы оценки, что ограничивает творческую свободу педагогов и вынуждает их следовать навязанным образовательным стандартам. Это приводит к подготовке специалистов, востребованных на рынке труда, но одновременно снижает внимание к развитию критического мышления и формированию целостного мировоззрения у учащихся.

Не стоит забывать о том, как устроена работа учителей в школах и вузах. Сейчас многие учителя работают по временным контрактам, у них меньше социальных гарантий, и их оцени-

вают по определённым показателям. Это создаёт ситуацию, когда учителям приходится подстраиваться под требования и запросы рынка. Учителя, работающие по коротким контрактам и зависящие от внешних оценок, менее склонны к риску. Они не всегда готовы внедрять новые методы обучения, поддерживать инициативы студентов или конфликтовать с влиятельными партнёрами из бизнеса. Таким образом, система, в которой учителя должны разоблачать эксплуатацию, сама поддерживает эту эксплуатацию.

Международные тесты, такие как PISA, влияют на школьное образование через политику. Они заставляют страны оценивать успех по результатам тестов. Из-за этого школы начинают больше внимания уделять только тем знаниям, которые можно измерить и которые полезны для работы. Это значит, что на уроках меньше времени уделяется важным вещам, таким как воспитание гражданственности, справедливость и умение критически мыслить. Вместо этого школы больше сосредоточены на подготовке учеников к рынку труда, что может быть полезно в краткосрочной перспективе, но не всегда хорошо для общества в целом.

Для борьбы с превращением образования в товар необходимо реализовать системный подход, основанный на принципах гуманизма: обеспечить равный доступ к знаниям для всех, развивать критическое мышление как инструмент борьбы с буржуазными идеологиями, поддерживающих эксплуатацию, защищать права преподавателей как представителей интеллектуального труда, поддерживать бесплатные образовательные учреждения как альтернативу коммерциализации знаний и ограничивать сбор данных, чтобы предотвратить использование личной информации в корыстных целях капиталистических элит. Важно признать ценность домашнего труда и ухода за детьми как неотъемлемой части общественной жизни, так как они являются основой для воспроизводства рабочей силы. Необходимо освещать историю борьбы трудящихся за свои права и свободы, чтобы молодое поколение осознавало важность борьбы за свои права. Поддержка совместных проектов студентов и сообществ способствует развитию коллективного мышления и укрепляет солидарность эксплуатируемого класса. Такое образование, основанное на принципах равенства, справедливости и коллективного труда, формирует у молодежи навыки, необходимые для построения общества, где преодолена эксплуатации, навязанной капиталистической системой.

Глава 3. Социальные последствия эксплуатации человека

3.1. Неравенство и социальная дискриминация

Социальные последствия эксплуатации проявляются не только в материальной бедности. Эксплуатация создает структурные барьеры, которые затрудняют доступ к ключевым ресурсам — образованию, здравоохранению, жилью и рынкам труда — и тем самым закрепляют социальное расслоение. Это не просто разница в доходах, а деформации жизненных шансов: дети эксплуатируемых групп получают худший старт, их образовательные траектории ограничены, а здоровье существенно хуже, что в совокупности уменьшает межпоколенную мобильность и делает бедность самоподдерживающейся системой.

Люди, которые живут в бедных районах, часто находятся в невыгодном положении. Это могут быть районы, где живут рабочие, или небольшие поселения за городом, где мало магазинов, школ и других удобств. Когда такие районы отделены от богатых частей города, люди там чувствуют себя еще более изолированными. Им труднее найти работу и получить хорошее образование. Из-за этого их жизнь становится сложнее, и другие люди могут смотреть на них с предубеждением. Например, работодатели, учителя или полицейские могут судить о человеке по тому, где он живет, а не по его личным качествам. Разница в уровне жизни в разных частях города и региона тоже играет свою роль. В богатых районах больше возможностей для работы и учебы, а в бедных — меньше. Это создает ситуацию, когда место, где ты живешь, сильно влияет на твою жизнь. В такие районы часто не вкладывают деньги на улучшение дорог, школ и других важных вещей, потому что считается, что это не принесет экономической выгоды. В итоге люди, живущие там, сталкиваются с еще большими трудностями в достижении своих целей [25].

Дискриминация как социальный феномен тесно переплетена с эксплуатацией и сама по себе является механизмом, поддерживающим эксплуатационные отношения. Этнические, расовые, гендерные и миграционные предубеждения рационализируют снижение оплаты, закрепляют доступ к наиболее небезопасным и тяжёлым видам работ и препятствуют коллективной организации. Дискриминационные практики формализуются в институтах — при найме, кредитовании, доступе к земле и услугам. Это делает борьбу с эксплуатацией не только экономическим, но и культурно-политическим вызовом [26].

Люди, пережившие эксплуатацию, сталкиваются с предвзятым отношением в сфере здравоохранения, образования и социальной помощи. Их жалобы могут игнорироваться, а потребности не принимаются в расчёт. Из-за такого отношения они теряют доверие к этим учреждениям и не обращаются за помощью, когда это нужно. Это приводит к тому, что у них нет хороших связей с другими людьми, которые могли бы помочь или дать совет. В результате им сложнее найти хорошую работу и защитить свои права [27].

Психологические последствия эксплуатации выступают фактором социального воспроизводства неравенства. Из-за постоянного стресса, депрессии и чувства беспомощности люди начинают хуже планировать свою жизнь, им труднее учиться и продвигаться по работе. Если человек считает, что его место в жизни определено и ничего нельзя изменить, то он может перестать пытаться улучшить свою ситуацию. Это, в свою очередь, поддерживает идею о том, что бедность и трудности — это результат личных недостатков, а не внешних обстоятельств. В итоге, люди, которые уже пострадали от эксплуатации, чаще оказываются в условиях, где их могут снова использовать.

Законы и административные практики могут формально декларировать равные права, но на практике работать так, что уязвимые группы лишаются эффективного доступа к правосудию. Сложные и дорогие процедуры, языковые барьеры, страх репрессий (например, для

мигрантов) и коррумпированные практики делают защиту прав малодоступной. В результате эксплуатационные практики продолжаются, несмотря на правовые нормы, а механизмы возмещения ущерба остаются недействительными для большинства пострадавших.

Сосредоточение экономических ресурсов в руках узкого круга лиц приводит к снижению совокупного спроса и замедлению темпов экономического роста. Это обусловлено тем, что основная масса населения, трудящиеся классы, не располагают достаточными средствами для потребления. В результате возникает порочный круг: низкий уровень потребления ограничивает возможности для роста экономики, а отсутствие роста экономики усиливает социальное неравенство и несправедливость. Такая ситуация неизбежно ведет к политической нестабильности. Недовольство, протесты и радикализация становятся закономерными, когда правящие классы отказываются предоставлять трудящимся реальные пути к улучшению условий жизни. Исторически глубокие и длительные социальные неравенства были одними из главных факторов, провоцировавших социальные конфликты и революции. Современная капиталистическая система, основанная на эксплуатации труда и концентрации богатства, продолжает поддерживать эти риски, угрожая стабильности общества.

3.2. Бедность и безработица

Эксплуатация создаёт структурные условия, при которых люди оказываются в постоянном положении недостатка: низкие доходы, нестабильные контракты, отсутствие доступа к социальным гарантиям и накоплениям. Это не разовое падение за черту бедности, а длительный процесс, при котором даже временная утрата работы или болезни способна спровоцировать долговую кабалу, потерю жилья и утрату профессиональных навыков. В таких условиях безработица часто носит «хронический» характер: люди несколько лет остаются вне полноценных рынков труда, вынужденно переходят в неформальный сектор или соглашаются на низкооплачиваемую, опасную работу с минимальными гарантиями. Эксплуатация тем самым порождает и поддерживает массовую «работоспособную бедность», когда формально занятые люди остаются бедными из-за низких ставок, неполной занятости и произвольных удержаний заработной платы.

Когда работодатели получают возможность гибко регулировать условия труда, например, нанимая сотрудников на короткий срок или через агентства, рынок труда теряет свою стабильность. Частая смена работы не позволяет работникам накопить значительный трудовой стаж, что затрудняет получение социальных выплат и пенсий. Профессиональные навыки таких работников могут утратить актуальность, а их жизненные планы становятся менее чёткими. В условиях высокой конкуренции за рабочие места работодатели могут снижать уровень оплаты труда, поскольку существует множество кандидатов на вакантные должности [28].

Скрытая безработица являются ключевыми каналами перехода эксплуатации в бедность. Люди работают без официального договора, без социальных гарантий и часто без оплаты сверхурочных часов. Они могут регистрировать меньший объем работы, чем выполняют на самом деле. В статистике это не всегда считается официальной безработицей, но для их семей такие условия труда часто хуже, чем, если бы они вообще не работали. Им не помогают, когда они временно остаются без работы, они не могут требовать безопасных условий труда, у них нет права на выходные и отпуска. Особенно часто в такую ситуацию попадают женщины. У них есть обязанности по уходу за детьми, их часто не берут на работу, и общество считает, что они должны поддерживать семью. Поэтому женщины часто работают неполный день и в условиях, которые не учитываются в государственных программах помощи [29].

Долговые отношения и финансовая уязвимость выступают как механизм закрепления бедности. Эксплуататорские практики в сфере найма часто сопровождаются скрытыми платежами: рекрутеры берут комиссии, работодатели удерживают часть зарплаты «на будущие

расчёты», работники вынуждены брать кредиты для покрытия начальных расходов (проезд, жильё, визы). Нарастающие обязательства по выплате процентов создают ситуацию, когда большая часть дохода идёт на обслуживание долга, а не на воспроизводство рабочей силы. В отсутствие доступных и дешёвых финансовых услуг уязвимые группы попадают к ростовщикам и маргинальным кредиторам, что делает их экономически зависимыми и ограничивает возможности смены работы или инвестирования в образование [30].

Межпоколенные последствия бедности при эксплуатации имеют разрушительный эффект: дети, выросшие в условиях низкого дохода и нестабильной занятости родителей, получают меньший доступ к качественному образованию, питанию и здравоохранению. Это снижает их шансы на получение востребованных навыков и повышает вероятность раннего выхода на рынок труда в низкоквалифицированных позициях — часто в тех же циклах эксплуатации. Репродуктивный эффект бедности означает, что социальные опоры, которые могли бы прервать цикл (например, доступ к высшему образованию или кредитам на предпринимательство), остаются малодоступными для тех, кто в них наиболее нуждается.

Миграция в поисках работы часто приводит к временной или постоянной отделённости от социальных сетей и поддержки, создаёт новые риски эксплуатации в местах назначения и увеличивает вероятность бедности среди мигрантов и их семей. При этом государственные политики нередко реагируют на такие явления репрессивными мерами: ужесточение миграционных правил, криминализация неформального труда и снижение гарантий делают уязвимые категории ещё более беззащитными.

Последствия бедности и безработицы включают деградацию здоровья и снижение продолжительности жизни. Нехватка средств и неблагоприятные условия труда увеличивают риск хронических заболеваний, травматизма и психических расстройств; расходы на лечение могут привести к финансовому коллапсу семьи. Длительная экономическая нестабильность подрывает доверие к институтам, способствует росту недовольства, радикализации и восприятию государственной несправедливости, что имеет политические и социальные риски для общества в целом.

Таким образом, бедность и безработица — это не самостоятельные явления, а следствие эксплуатации, как типа общественных отношений, основанного на узурпации власти и систематическом принуждении подчинённых социальных групп для обеспечения привилегированного положения господствующих групп. Это характерно для антагонистических обществ, где эксплуатация является социально-экономической основой общественного устройства. Концентрация власти и управления в руках одних социальных групп при отстранении других от участия в принятии политических и экомических решений, что позволяет этим господствующим группам распоряжаться результатом общественного производства в ущерб другим членам общества.

Для кардинального преобразования общества необходимо ликвидировать механизм эксплуатации, который основан на неравенстве прав работников и капитала. Это требует комплексного подхода, включающего экономические, социальные и политические меры по изменению общества. Экономическая система должна быть перестроена таким образом, чтобы основные средства производства находились в коллективной собственности, а не в руках частных лиц. Это позволит ликвидировать эксплуатацию труда и создать условия для справедливого распределения ресурсов. Социальная политика должна гарантировать достойный уровень жизни для всех членов общества, включая бесплатное образование, здравоохранение и доступное жилье. Это обеспечит равные возможности для профессиональной реализации и позволит каждому человеку раскрыть свой творческий потенциал. Политическая система должна стать инструментом выражения интересов всех слоев общества, а не только правящего класса. Только при таком подходе можно разрушить циклы бедности, безработицы и неравенства, которые сегодня воспроизводятся через эксплуатацию человеческого труда.

3.3. Психологические последствия эксплуатации

Эксплуатация действует как постоянный стресс, который накапливается и меняет поведение и психику человека. Из-за неопределенности, унижений и отсутствия контроля у людей возникают противоречивые самооценки: они слишком много внимания уделяют выживанию и при этом подавляют желание выразить себя. Со временем это может привести к тому, что разные сферы жизни (работа, семья, общественная деятельность) станут разобщенными и несогласованными.

Частые эпизоды неоплаты труда, обмана при найме формируют рациональные адаптивные стратегии, которые «экономят» психическую энергию: снижение инициативы, прагматизм в отношении долгосрочных планов, склонность к минимизации запросов. Такие приспособления в короткой перспективе повышают шансы на выживание, но в долгосрочной — становятся психологическими барьерами для выхода из угнетённого положения, поскольку уменьшают склонность к риску, к инвестициям в собственное образование и к коллективной мобилизации [31].

Кумулятивный характер травм, порождаемых эксплуатацией, проявляется в виде множественных мелких поражений — микронаказаний, унижений, выгорания — которые в сумме приводят к состоянию сложной травмы. Это состояние отличается от одноразового посттравматического стресса: здесь спектр симптомов шире, включает нарушения регуляции эмоций, стойкие трудности в установлении доверительных отношений и склонность к самозащитным стратегиям вроде эмоционального онемения. При этом такие реакции часто маскируются социальной нормой «терпеть» и не обсуждаются в публичной плоскости, что усложняет диагностику и помощь [32].

На когнитивном уровне эксплуатация увеличивает нагрузку рабочей памяти и снижает способность к стратегическому планированию. Постоянная необходимость отслеживать риски, экономить ресурсы и предугадывать поведение работодателя приводит к хроническому когнитивному истощению. Это особенно заметно у людей, совмещающих несколько низкооплачиваемых работ: постоянная смена контекстов и требований разрушает возможности для сосредоточенного профессионального роста и обучения [33].

Люди, которые пережили эксплуатацию, часто могут считать, что им не хватает знаний или желания что-то изменить. Из-за этого они не хотят просить помощи у других людей или требовать изменений от общества и государства. Это происходит потому, что их заставляют думать, что проблема только в них самих. Они чувствуют стыд и не хотят рассказывать о своей ситуации, потому что боятся, что другие люди будут их осуждать или считать неудачниками. Из-за этого они не обращаются за помощью, даже если она им очень нужна.

У женщин, вовлечённых в нелегальную или низкооплачиваемую домашнюю работу, часто наблюдаются соматизированные депрессивные симптомы и высокий уровень хронической тревожности, связанные с отсутствием личного пространства и контролируемостью жизненного времени. У мигрантов и национальных меньшинств психическая травма усугубляется языковыми барьерами, страхом депортации и утратой связи с культурными матрицами, что повышает риск социального отчуждения и длительной психической дезадаптации.

Реабилитация психического здоровья пострадавших от капиталистической эксплуатации требует подхода, который учитывает классовые, экономические и юридические аспекты. Психотерапия сама по себе может быть недостаточно эффективной без обеспечения экономической безопасности, правовой поддержки и восстановления социальных связей. Травма-ориентированные методы должны сочетаться с программами трудовой реабилитации, доступного жилья и восстановления гражданских прав. Особое внимание следует уделить культурно-компетентной работе, учитывающей этнические, религиозные и гендерные различия в пережи-

вании эксплуатации. Такой подход, основанный на принципах социальной справедливости и равенства, сможет эффективно способствовать восстановлению психического здоровья и социальной интеграции пострадавших.

3.4. Психиатрические последствия эксплуатации

Эксплуатация человека человеком оставляет далеко идущие психиатрические следы. Эти следы проявляются не только в личных проблемах, но и влияют на семейные отношения и общее здоровье общества. Последствия могут быть очень разными: они могут повлиять на развитие нервной системы у детей, на мышление и эмоции у взрослых, а также на их поведение. Люди становятся более уязвимыми к физическим заболеваниям и сложнее справляются с уже существующими психическими расстройствами. Важно отметить, что эти проблемы часто становятся хроническими и могут усиливать друг друга, создавая устойчивые психологические трудности и социальный стресс.

На уровне развития и формирования личности воздействие эксплуатации особенно заметно у детей и подростков. Длительная нехватка безопасных привязанностей, постоянный контроль или пренебрежение приводят к нарушению регуляции эмоций, дефициту навыков саморегуляции и проблемам с формированием представлений о собственном «я». У таких детей нередко формируются поведенческие расстройства, задержки речевого и познавательного развития, нарушения учебной успеваемости и повышенная импульсивность. Эти признаки имеют тенденцию к укоренению: ранние модели поведения, которые не дают человеку развиваться, превращаются в неоптимальные стратегии выживания во взрослом возрасте — избегание близости, гипервигильность, когда человек находится в состоянии постоянной повышенной настороженности или, напротив, склонность к внешне выраженной покорности, что снижает способность к социальному и профессиональному восстановлению [34].

Когнитивные и нейропсихологические последствия эксплуатации часто недооценивают. Хронический стресс и постоянная необходимость адаптироваться к угнетающим условиям отражаются в нарушениях внимания, рабочей памяти и исполнительных функций. Это проявляется снижением способности к планированию, гибкому переключению задач, контролю импульсов и принятию перспективных решений. В клинике такие дефекты усложняют терапию: пациенты хуже удерживают инструкции, реже выполняют домашние задания психотерапии и хуже соблюдают режим приёма лекарств. Эти когнитивные нарушения частично связаны с изменениями нейробиологических процессов, включая дисбаланс нейромедиаторных систем и повышенную нейровоспалительную активность, что также может усиливать восприимчивость к сопутствующим соматическим заболеваниям [35].

На уровне личности эксплуатация способствует формированию устойчивых межличностных схем, основанных на недоверии, стыде и изоляции. Индивид, переживший эксплуатацию, может внутренне принять роль «обделённого», что выражается в заниженной самооценке, идеях никчёмности и постоянном ожидании угрозы. Это создаёт почву для развития тяжёлых расстройств личности, где защитные механизмы становятся жёсткими и дезадаптивными: стремление к контролю, манипулятивное поведение, чрезмерная зависимость или тотальное избегание эмоциональной близости. Такие изменения существенно ухудшают прогноз, поскольку лечение расстройств личности требует длительной и специализированной психотерапии, недоступной многим пострадавшим из-за социальных и экономических барьеров [36].

С практической стороны значительной проблемой является повышенная распространённость психоактивной зависимости как стратегии адаптации к хронифицированному эмоциональному и физическому дискомфорту. Алкоголь и наркотики часто используются для снижения тревоги, боли или бессонницы, но приводят к наслоению новых терапевтических задач:

употребление сразу несколько разных веществ, риск передозировок, инфекционные осложнения и криминализация поведения. Лечение таких состояний требует интеграции наркологической и психиатрической помощи, что редко организовано в рамках систем, ориентированных на уязвимые группы.

Суицидальное поведение и повышенная смертность — одна из наиболее тяжёлых и отчётливых последствий эксплуатации. Динамика риска связана не только с выраженной депрессивной симптоматикой, но и с устойчивым ощущением бесперспективности, социальной изоляции, бессмысленности жизни и утратой опорных ролей. Кроме того, факторы внешней отчуждённости — чувство одиночества, отчуждение от социальной поддержки и материальная нестабильность — дополнительно усиливают риск плохого исхода.

Социальные и межпоколенческие механизмы трансляции вреда формируют кумулятивную нагрузку: дети переживших эксплуатацию родителей оказываются в среде с ограниченными ресурсами, где модели воспитания повторяют паттерны насилия, а доступ к психосоциальной помощи ограничен. Биологические механизмы, включая эпигенетические метки, а также образовательные и экономические ограничения, создают устойчивую «замкнутую систему» уязвимости, где риск психопатологии передаётся не только через поведение, но и через условия жизни. Это делает проблему общественным долгосрочным бременем и требует принятия решений на уровне государственной политики для проведения экономических реформ по снижению и устранению эксплуатации.

Не менее важны последствия для системы здравоохранения и социального обеспечения. Пациенты с историями эксплуатации чаще обращаются в экстренные службы, имеют частые госпитализации и сложный анамнез, что требует больших ресурсов. Им трудно оставаться под наблюдением врачей, они не доверяют больницам и часто не очень хорошо разбираются в медицине. Из-за этого сложно организовать постоянную помощь. Стандартные методы лечения не всегда помогают, потому, что нужно учитывать их прошлый опыт и жизненные обстоятельства.

Когда люди совершают аморальные поступки, это оказывает влияние не только на них самих, но и на окружающих. У тех, кто совершает плохие поступки или оправдывает их, часто нарушается моральное чувство, они меньше проявляют сочувствие к другим и становятся более агрессивными. Иногда у них появляются признаки психических отклонений, когда им безразлично, наносят ли их действия вред другим. На общественном уровне, когда значительное число людей ведут себя аморально и не стремится исправить свои ошибки, уровень доверия между людьми снижается. Это делает общество более уязвимым и неспособным эффективно противостоять социальным вызовам.

Проблемы с психикой в первую очередь возникают из-за социального неравенства в обществе, которое приводит к социальным стрессам, угнетению и отчуждению. Это вызывает сложные процессы, связанные с биологическими, психологическими и социальными факторами. Чтобы помочь людям с такими проблемами, нужно вовремя вмешиваться, поддерживать их семьи и общественные организации, а также создавать доступную и понятную систему помощи. В медицине это означает переход от индивидуализированного подхода к лечению к системному анализу социальных причин психических заболеваний. Врачи должны рассматривать каждого пациента в контексте его социальной среды, учитывать его жизненные условия и быть готовыми к длительной работе в сотрудничестве с общественными организациями и профсоюзами. Цель такой помощи — не только облегчить симптомы, но и помочь человеку осознать свои истинные потребности и стремления, вернуть его к полноценной социальной жизни и труду. Только в условиях общества, где каждый человек будет иметь равные возможности для развития своих способностей, можно говорить о полном решении проблемы психических заболеваний.

3.5. Стремление к самореализации и общественное давление

В условиях современного общества стремление к самореализации приобретает противоречивый характер. С одной стороны, оно является неотъемлемой частью развития личности. С другой стороны, капиталистическая система подавляет это стремление, превращая личные амбиции человека в средство обогащения других людей, подчиняя их логике рынка, где каждый человек становится товаром, обязанным выполнять свои рыночные функции. Сегодняшние представления об успехе и ценности часто связаны с идеей постоянного улучшения себя и своих навыков. Это может казаться, что такие представления дают людям возможность утвердиться. Но на самом деле они создают дополнительные ожидания. От нас ждут, что мы всегда будем продуктивны, будем развиваться и зарабатывать деньги на своих увлечениях. В результате стремление к самореализации перестает быть просто личным желанием. Оно становится ресурсом, который нужно использовать рационально и продавать. Это делает людей уязвимыми перед теми, кто может извлечь выгоду из их самовыражения и инициативы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.